

22.11.2016, 16:15 Карелия

свой опыт

«Там нет ничего, что может показаться адекватным»: бывший заключенный о карельской ИК-7

ОВД-Инфо публикует рассказ бывшего заключенного, пять лет назад сидевшего в карельской ИК-7, в которой сейчас сидит Ильдар Дадин. ОВД-Инфо известны данные этого человека. Он попросил опубликовать этот рассказ анонимно, но готов свидетельствовать против сотрудников колонии.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Я нахожусь за пределами России и готов, если нужно, давать показания в международных инстанциях в пользу Ильдара. Фамилий сотрудников колонии я не помню, но если мне покажут фотографии, я их узнаю.

Но нужно понимать, что это не одна колония, это вся система так работает. 90% ФСИН нужно отправлять под суд. Черные зоны ломают, делают красными. Воровской ход — нельзя сказать, что это хорошо, но в нем есть хоть что-то человеческое по сравнению с красным режимом. Так же и в ИК-7 пытки продолжаются десятилетиями, перестановки начальников никакой роли не играют.

В уголовном мире Карелию очень боятся. Туда направляют на переплавку, ломку воров и авторитетов и вообще любых неугодных. Еще страшнее, чем ИК-7, — карельские «Копейка» (ИК-1) и «Онда» (ЛИУ-4). У нас был один зек, которого к нам перевели с «Онды». Человек всегда смотрит в пол, никогда не поднимает глаза, говорит тихо, односложно. Тень, а не человек.

Многие воровские авторитеты стараются не подниматься на ИК-7. В карантине заставляют всех делать уборку, мыть туалеты — ломают воровские понятия. Большинство ломается, и после этой зоны человек уже не может быть воровским авторитетом. Сильные криминальные личности пытаются остаться в ШИЗО, но там систематически избивают. Например, избиение утром на проверке — это как зарядка. Включают как можно громче «Радио

России» — оно орет так, что глушит уши. Чтобы не слышно было криков.

В ШИЗО бьют менты, а не актив. В ШИЗО из заключенных ходит только хозбанда — так называют обслугу. Актив есть в карантине, в зоне. Раньше они носили красные повязки. Когда я сидел, появилось официальное требование упразднить актив, но по факту он остается. Обычно в актив вступают зеки с большими сроками, они очень зависимы от администрации колонии. Я-то привез в зону всего пять месяцев.

Особенно сложно заключенным, за которыми идет «цинк» — приписка в личном деле, что на человека нужно обратить особое внимание. Солженицын, Шаламов всё очень похоже описывают. Единственное, раньше политических гнобили воры, теперь же — актив.

Садизм у тюремщиков в крови. В нормальной жизни эти люди ничего не значат. Вы представьте, работает человек в колонии, живет в этой дыре, целый день проводит за колючей проволокой. Сами сотрудники про себя говорят, что они тоже сидят. Этим людям нравится пытать, ощущать власть, смотреть на то, как перед ними пресмыкаются. Это психология, даже психиатрия. Страшные вещи.

В ИК-7 все поставлено от начала до конца, чтобы сломать человека. Нет ничего, что нормальному человеку может показаться адекватным. По прибытию в колонию мы ночевали одну ночь в ШИЗО. Нас привезли этапом пять человек, повели в душ, дали пять минут помыться ледяной водой. Мылся я и еще один. Остальные, хотя и чистоплотные ребята, не стали в таких условиях мыться.

Перед отправкой в карантин — беседа с операми. В кабинет опера, когда заходишь, с тобой сразу говорят, как с дерьмом. Опера спрашивают, будешь ли ты послушным в зоне. Ты — никто, ноль. Словесные

угрозы, хамство, оскорбления в ИК-7 сыпятся с самого начала, как только из автозака тебя вывалили.

На следующий день, когда тебя постригли, ведут в карантин. В карантине очень сильно бьют. Когда мы зашли в локальный участок, уже стояли активисты, они орала: «Быстрее, суки, сволочи...» Всех называют пидорами, петухами. Мент говорит, «не бежать», актив орет «бегом» — провоцируют.

Когда уже подошли близко к бараку, мент сказал, что мы можем бежать. Забегаем с баулами в карантинный барак. Всех поставили у стены в очень неудобной позе: носки, колени, грудь и подбородок прижаты к стене, руки за спиной. Так и пять минут простоять сложно, но если отодвинешься от стены, начинают бить. Всех по очереди отводят, и самый здоровый активист начинает тебя лупить. Как ни удивительно, тут может помочь то, с кем ты сидел. Если сидел с правильными ребятами, которые с тобой отправят весточку, тебя могут и не бить.

В карантине все перемещения бегом, руки всегда за спиной. Подбородок в течение всего дня, когда ты не спишь, должен быть плотно прижат к груди. Исключения — когда ешь в столовой, и мероприятия типа политинформации, когда сажают всех зеков, и зачитывают различные правила отбывания наказания в колонии. В основном в форме запугивания: если сделаешь то-то, тебе будет то-то. Когда стоишь в карантине, всегда пятки и носки должны быть прижаты друг к другу — эту позу тоже какой-то извращенный выродок придумал.

Во всех этих позах тебя могут бить, оскорблять, отвешивать оплеухи, плевать в лицо. И это каждый день. Чудовищная боль в ногах, шее, плечах, все затекает. Нас заставляли бегать по снегу босиком. Кто-то случайно что-то сделал не по форме — избивают сразу всех.

В карантине есть практика: если по «цинку» считается, что за тобой есть нераскрытые преступления, выбивают явки с повинной. Меня, например, сначала избили, а потом сказали: или ты признаешься, или сейчас зайдет пидор, трахнет тебя, и ты с этим дальше будешь жить, уже опущенным. Я сочинил две явки. О том, как некие знакомые якобы убили бомжа, а другие знакомые мне якобы продавали амфетамины. После меня вызывали в оперчасть и злились: «Что ты такое напридумывал!» Но это было уже после, тогда я смог вздохнуть.

Неоднократно общался с людьми, которым на карантине ломали руки, ноги, пробивали черепа. Видел на этапе паренька, который проглотил здоровый железный крючок от кровати, чтобы из ИК-7 отправили на лечение во ФСИНовскую больницу в Медвежьегорске. Отдохнуть! Он ехал уже после операции, ему разрезали живот. Через неделю после карантина в отряде мы пошли в баню, я посмотрел на свои ноги, они все были черные — не зеленые, не синие — такие на них были синяки.

В ИК-7 опускают только по приказу руководства колонии. Ну, или если ты вдруг сам случайно заkontakился с опущенным.

Пикет в поддержку Ильдара Дадина

Врачами тех, кто работает в ИК-7, я бы не назвал. Это люди с медицинским образованием, которые решили зарабатывать (не особо хорошо), устроившись в эту колонию. Кстати, в 2011 году в Карелии, как минимум в ЛПУ-2, широко использовали многоразовые шприцы для заключенных. А там и ВИЧ-инфицированные, и больные туберкулезом.

Сидит рядом с тобой дедок, покашливает, как простуженный... Через день смотришь, он в закрытом бараке для туберкулезников, с маской в локалке гуляет.

Две недели ты находишься в кошмаре карантина. Затем я попал в 9-й отряд, в котором потом Ходорковский сидел, но это отдельная история. Я пришел в отряд, бросил баулы. Меня завели в туалет, заставили встать в позу для обыска: тыльной стороной ладони ты ставишь на стену, максимально раздвигаешь ноги и тебя избивают другие зеки, заставляя орать — так, что свои легкие выплевываешь — фамилию, имя, отчество, статью, начало срока, конец срока.

Срабатывает какой-то механизм защиты, ты отключаешься, не чувствуешь боль и ждешь, когда это закончится. Когда избивающие устали, меня завели на второй этаж, в сушилку. И там здоровый зэчара, видимо, боксер, наносил мне удары по корпусу еще минут семь. Я стоял в бушлате, арестантском ватнике. После этого у меня были сломаны ребра.

Мне раньше в спорте ломали ребра, симптоматику этого я знаю. Я пришел в санчасть, попросил, чтобы меня отправили на лечение. На лечение не отправили, но дали какую-то таблетку, после которой была эйфория, будто бы меня героином вставили. Сказали: «Не валяй дурака, никаких тебе рентгенов, больниц, иди и живи, как можешь».

Затем дают попуститься. Другие зеки говорят — «теперь все нормально», дают советы, как себя вести. Как вновь прибывший, по аналогии с «духами» в армии, ты выполняешь все черновые работы. Раньше я только слышал байки про армию, как ломами подметают улицы, тут я видел лом с наваренными гвоздями, чтобы сбивать лед с асфальта. Я ходил со сломанными ребрами, ковырял лед.

Я читал Варлама Шаламова «Колымские рассказы» — на 80% ничего не изменилось. Да, идет технический прогресс — поставили унитазаы и телевизоры, но человек по-прежнему там, как скот. Как и во времена Шаламова,

я работал с тачкой, кайлом и лопатой, условия труда — тяжелейшие.

Как убирают снег с локального участка: берется огромный прицеп от Камаза, его закидывают снегом, а потом впятером толкают по территории зоны в специальное место, и так — всю зиму. Как Шаламов описывал сугробы под мачту городского освещения, такие и мы делали: когда десяток зеков с разных участков становятся лесенкой и друг другу кидают снег.

Со мной работал гражданин Китая, маленький, безобидный мужичок, не понимал по-русски. Он был избит активом за отказ делиться посылкой, ему порвали селезенку. Ночью его в тяжелом состоянии вывезли в гражданскую больницу города Сегежи. Где его оперировали точно, я не знаю, вернулся он, когда я был уже в другом отряде, после прибытия Ходорковского. Я надеялся, что его отправили на другую зону и огорчился, увидев его снова.

После происшествия администрация пыталась повесить сначала избиение на меня, потом на других зеков. Поднимали нас ночью, мы стояли в коридорах барака в нижнем белье часами, нас водили в кабинет к начальнику отряда поочередно, не давали спать. Прощупывали слабинку, кто согласится с одним из предложенных вариантов администрации — упал сам, или кто побил. Мы тогда копали глубокую траншею вместе с китайцем и еще четырьмя зеками: замерзли трубы на промке, между лесопилкой и каким-то цехом, надо было разморозить.

Поэтому когда ментам не удалось на меня повесить китайца (парни отказались писать на меня такие показания, к счастью, и я в отказ пошел, иначе накрутили бы мне срок), менты попытались нас уговорить, что он у нас упал на работе. Но опять у них не вышло. Я не знаю, что они придумали, как-то замяли. Я тогда представил, что если бы я оказался в китайском лагере,

эком... Такой ужас меня овеял, появилось искреннее сочувствие к этому маленькому и смелому китайцу.

Если проштрафишься, идет унижение через уборку туалета. Двухсотлитровую бочку наливают горячей водой, разбавляют мылом, делают мыльную пену. В туалете на барак на 200 человек затыкают дырку слива в полу и разливают эту пену. Ты должен руками собрать пену в унитаза, а воду — тряпкой. И так — несколько раз. В колонии жуткая грязь.

Важный человек в отряде — это завхоз. Он может либо нормально работать, либо прогибаться под ментов и устраивать кровавое месиво. За пару лет до того, как я сел, в ИК-7 двое зеков, может быть, опущенных, насмерть забили завхоза.

Передач зеку положено 20 килограмм в два месяца. С этой передачи ты обязан выплатить «взнос» завхозу своего отряда, примерно треть. Но зависит, насколько ты в хороших отношениях с завхозом, могут забрать больше, а то и почти все. Также заседают и другие активисты, кланчат сладкое и сигареты. Откажешь — могут избить и забрать или будут постоянно направлять на самые тяжелые работы.

В магазин еще надо записаться, чтобы попасть. Записывает актив, само собой, у каждого отряда свой день, как и на звонки. Записывают строго за что-то: продукты, сигареты. Подходит завхоз, а потом вылавливают тихонечко активисты по очереди, каждый просит то пачушку сигарет, то кулечек конфет, то пачушку чая. В итоге, чтобы не создавать себе проблем, тратишь чуть ли не половину месячных денег на актив. И если завхоз тебе реально помогает, то другие активисты, как правило, занимаются чистым вымогательством.

Люди настолько запуганы, что стучать считается нормой. В зоне постоянно ждешь времени сна, возможности

закрывать глаза. Постоянная усталость, уборка снега в насквозь сырых ботинках, постоянное недоедание — все зэки постоянно ходят с голодными глазами. Идет прямо охота за шоколадом, чаем, сигаретами. Жуткое зрелище: ты пьешь чай с печеньем, рядом сидит человек, осужденный по 159-й статье (мошенничество —). Видно, что это тихий интеллеktуал, который просто с кем-то не поделился. Человек порядочный, воспитанный, но забитый донельзя. Это ужасно, когда взрослый человек, у которого семья, дети, сидит и умоляет тебя дать ему две печеньки.

За любую провинность в колонии либо избиение, либо ШИЗО. ШИЗО боятся все. От условий там — вскрываются. Попасты в ШИЗО можно за то, что не поздоровался с любым ментом, менту не понравилось, как пришита бирка/форма одежды, дал/взял сигарету/какую-либо вещь у другого осужденного, замешкался где-либо, обогнал мента, просто не нравишься какому-либо менту.

Начальник ИК-7 Сергей Коссиев на отдыхе

Происходит огромное количество подстав, как от актива, так и от ментов. Приходится вилять, как ужу. Например, на промзоне и подсобных участках работают зэки, им зачастую не хватает того или иного инструмента. Менты требуют их изготавливать кустарным методом, ибо покупать инструмент уж точно никто не будет. Зэки делают. Оставляют на рабочем месте, причем аккуратно убирают. А ночью идет мент с обходом, и все забирает как «запрещенку» (тяпки, лопаты, пилы, самодельные приспособления для труда (каменный, сука, век!)), и составляет рапорт о нарушении. А начальство потом решает, кто уедет в ШИЗО, а кто просто выговор получит, и прощай работяге УДО. Одновременно требуют работать и делают все, чтобы работать было невозможно.

Самый приближенный к ментам отряд — это пятый. Это и есть хозбанда, как в СИЗО. Они в ШИЗО рулят, из пятого отряда набирают актив в карантин. В комнатах длительных свиданий тоже зэк из пятого, он там за порядком следит. Родственники привозят огромное количество еды, и за трое суток заключенный вместе с родней просто не могут все съесть. Я, например, сходу съел целую курицу копченую и большой торт, так хотелось есть, и не хватало глюкозы и белка. Вся лишняя еда отдается этому зэку, я отдал ему все несъеденное, все в упаковках. Я думал, что он это делит со своими собратьями зэками, ан нет: неоднократно видел, как этот зэк таскает здоровые сумки (после свиданий) в оперчасть! И выходит уже пустой. Мне не нужно других доказательств, что оставшуюся еду растаскивают по домам лагерные опера.

Все, что сейчас всплывает в прессе, рассказы бывших заключенных ИК-7, — это абсолютная правда.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело Ильдара Дадина

Ильдар Дадин был осужден в 2015 году по делу о неоднократном нарушении порядка проведения акций.

Ещё почитать

04.03.2026 [Карелия](#)

Сотрудники ФСБ задержали журналистку, приехавшую в Россию навестить родителей